

© 2017 г.

Е.Ю. СЕРГЕЕВ

БРИТАНИЯ И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 года В РОССИИ (по материалам британских архивов)

Сергеев Евгений Юрьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Государственного академического университета гуманитарных наук и Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

Столетие, истекшее после начала Русской революции 1917 года, определяет актуальность и значимость изучения различных аспектов этого сложного, насыщенного многими противоречивыми событиями исторического процесса, испытавшего воздействие внешних факторов, к которым следует отнести политику Великобритании в отношении России.

Конвенция, подписанная в 1907 г. Российской и Британской империями, завершила их геополитическое соперничество, известное как Большая Игра¹. К лету 1914 г. Петербург и Лондон поддерживали союзнические отношения без подписания соответствующего международно-правового акта, хотя 8 апреля 1914 г. Николай II в беседе с послом Великобритании сэром Д. Бьюкененом предложил заключить оборонительный англо-российский союз, а 5 мая 1916 г. царь заверил главу британской дипломатической миссии в твердом намерении «установить после войны тесное экономическое сотрудничество между Россией и Великобританией»².

Достижение этой цели казалось осуществимым по прошествии трех лет войны, когда в результате революционных событий, положивших конец русскому самодержавию, обе страны переживали этап сближения своих внешнеполитических курсов, который можно назвать «медовым месяцем» в истории их отношений.

Несмотря на значимость изучения роли Великобритании в Февральской революции 1917 г. и характера обратного воздействия событий в России на ситуацию в Соединенном Королевстве, до настоящего времени исследователи уделяли этой теме сравнительно мало внимания. Лишь отдельные ее аспекты нашли отражение в трудах историков, которые смогли привлечь ограниченный круг источников³. Зарубежные коллеги, особенно

---

¹ Сергеев Е. Ю. Большая Игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2016.

² Даты в британских источниках приводятся по григорианскому календарю. Бьюкенен Д. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата 1910–1918. М., 2006, с. 147, 205.

³ Chamberlin W. The Russian Revolution, v. 1. London, 1935; Warth R. The Allies and the Russian Revolution. From the Fall of the Monarchy to the Peace of Brest-Litovsk. Durham (NC), 1954; Kennan G. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston – Toronto, 1960; Ullman R. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921, v. 1. Princeton (NJ), 1961; Игнатъев А. В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль – октябрь 1917 г.). М., 1966; *его же*. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974; *его же*. От Февраля к Октябрю. – История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М., 1997; Page Arnot R. The Impact of the Russian Revolution in Britain. London, 1967; Kettle M. Russia and the Allies, v. 1. London, 1981; Northedge F., Wells O. Britain and the Soviet Communism: The Impact of a Revolution. London – Basingstoke, 1982; Gardner L. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913–1923. New York – Oxford, 1987; Алексеева И. В. Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917 гг. Л., 1990; Keeble C. Britain and the Soviet Union, 1917–1989. London, 1990; Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. London, 1996; Carley M. Silent Conflict. A Hidden History of Early Soviet-Western Relations. Lanham (MD), 2014.

в 1950-х — начале 1980-х годов, высказывали сомнения относительно «возможности каким-то образом изменить основную картину с помощью проведения новых исследований», либо писали о том, что «еще не пришло время для освещения англо-российских отношений с точки зрения обеих сторон, взяв за исходный момент революцию», по причине недоступности многих источников, а также ограниченного знакомства европейских и американских исследователей с работами советских историков⁴.

Несмотря на трудности, которые вынуждены преодолевать специалисты в процессе изучения российско-британских отношений⁵, в начале XXI в. наступило время предложить современную концепцию развития контактов между Петроградом и Лондоном на фоне Российской революции 1917 г. При решении этой задачи автор опирался на корпус источников, который включает не только опубликованные дипломатические документы, отчеты о парламентских дебатах и прессу, но и мемуары участников событий, а также архивные материалы, недавно открытые для исследователей⁶.

Целями автора стало рассмотрение характера связей между Петроградом и Лондоном накануне Февраля 1917 г., освещение реакции представителей общественности Туманного Альбиона на революционные события в России после победы демократии, а также выявление последствий падения монархии для изменения политики Британии на российском направлении в критически важные для противостоявших друг другу коалиций весенние месяцы третьего года мировой войны. Логика исследования обусловила и его хронологические рамки — так называемый «милюковский период» внешней политики первого, либерального востана Временного правительства во главе с крупным земским деятелем князем Г. Е. Львовым: 15 марта — 18 мая 1917 г.

Напомним о том, насколько тесными являлись экономические и культурные связи русских и англичан к началу Первой мировой войны. В 1913 г. по объему торгового оборота с Россией Британская империя занимала второе место после Германии. При этом импорт России из Британии оценивался в 17 млн ф. ст. (по тогдашнему курсу 1 ф. ст. — 10 руб.), а его основу составляло оборудование с высокой добавленной стоимостью. В то же время главными статьями российского экспорта на Британские острова выступали сырьевые товары: лес, лен, пенька, жмыхи и нефтепродукты⁷.

В соответствии со статистическими данными, обобщенными бывшим британским послом в СССР К. Киблом, к 1914 г. в России постоянно проживали около 7 тыс. подданных короля Георга V, 35% всех торговых судов, посещавших российские морские порты, плавали под британским флагом, а из 40 млн ф. ст. прямых британских инвестиций в экономику империи Романовых до 50% приходилось на нефтяные месторождения Северного Кавказа и Каспия (Баку)⁸.

Свидетельствами экономического сближения Петербурга и Лондона стало учреждение в 1909 г. Англо-русской торговой палаты, а спустя три года — Русско-английского банка, которые были призваны содействовать интенсификации сотрудничества между частными компаниями обеих стран. В беседе с Бьюкененом, который являлся почетным гражданином Москвы и почетным профессором Московского

⁴ Warth R. Op. cit., p. V; Northedge F., Wells O. Op. cit., p. 234.

⁵ Давидсон А. Б. Образ Великобритании в России XIX и XX столетий. — Новая и новейшая история, 2005, № 5, с. 59.

⁶ Например, документы британской контрразведывательной службы МИ-5, изучавшей деятельность видных представителей социалистических партий России (эсеров, меньшевиков и большевиков). — National Archives of the United Kingdom (далее — TNA UK). The Security Service Personal Files Series. The Bolshevik Party. KV 2/498; Zinoviev Life. KV 2/501; Lev Davidovich Bronstein (alias Leon Trotsky). KV 2/502; Leonid Krassin. KV 2/571, 574; Nicola Lenin (alias Vladimir Ilich Ulianov). KV 2/585—587; Kerenski Alexander Feodorich. KV 2/568, 569.

⁷ Keynes J. The Economic Consequence of the Peace. London, 1920; Павлович М. Советская Россия и капиталистическая Англия (от эпохи царизма до правительства Чемберлена — Болдуина 1925 г.) М., 1925.

⁸ Keeble C. Op. cit., p. 5—6.

университета, Николай II 5 мая 1916 г. говорил «о своем желании установить после войны тесное экономическое сотрудничество между Россией и Великобританией». В ответ посол заметил, что «перспективы такого сотрудничества будут зависеть от того, готова ли будет экономика России преодолеть идею запретительных пошлин на все иностранные товары». На это царь возразил, что «Россия еще долгие годы не сможет самостоятельно удовлетворять все имеющиеся у нее потребности и поэтому ей следует привлекать для развития своей промышленности британский капитал и британских экспертов»⁹.

Русская диаспора на берегах Темзы к началу Великой войны насчитывала от 4 до 5 тыс. человек. Тесные политические связи сложились на уровне высшей аристократии, включая семьи обоих монархов, а также в среде либеральной интеллигенции, представленной в России активистами партий октябристов и кадетов, для многих из которых, как, например, для П. Н. Милюкова, идеалом государственного устройства всегда являлась английская система парламентарной монархии. Отражением этих связей явилось создание Англо-русского комитета дружбы в 1909 г. Важным шагом к их закреплению стала совместная работа над книгой «Душа России», которая была издана в Лондоне в 1916 г. Публикация включила статьи о впечатлениях, которые сформировались у русских и англичан после взаимных поездок в Россию и Британию, эссе о русской литературе и искусстве, а также очерки участия подданных Николая II в мировой войне¹⁰.

К февралю 1917 г. в обеих империях действовали общественные организации, члены которых ставили своей задачей дальнейшее сближение в сфере культуры. Открывший двери в конце XVIII в. Английский клуб имел свои отделения в Петрограде и Москве, цвет которых составляли представители влиятельных аристократических семейств Голицыных, Долгоруких, Оболенских и Юсуповых¹¹. Английский клуб во время войны стал центром притяжения российских англофилов, которые придерживались скорее правых взглядов, тогда как учрежденные видными кадетами в 1916 г. Русско-английское общество и Московское общество сближения с Англией включали преимущественно либеральных деятелей¹². По свидетельству М. Бьюкенен (дочери британского посла), с августа 1914 г. за тесный союз с Великобританией выступало все население Петрограда, а вместе с ним и большинство жителей крупных и средних городов России¹³.

Революционные события февраля – марта 1917 г. в России, положившие конец автократическому режиму Николая II, нашли широкий отклик в кругах политиков Соединенного Королевства, придерживавшихся различных политических взглядов. Главными причинами заинтересованного восприятия Февральской революции представителями британской общественности были тесные союзнические отношения двух империй в рамках Антанты, высокая значимость военных усилий России для достижения победы над Центральными державами в ходе Первой мировой войны и, наконец, серьезные опасения, которые испытывал истеблишмент Туманного Альбиона касательно стремления прогерманских сил в окружении царской семьи и высших эшелонах государственной власти заключить сепаратный мир с государствами Четверного союза, противостоявшими Тройственному Соглашению.

⁹ Бьюкенен Д. Указ. соч., с. 205.

¹⁰ О русско-британских связях в науке и культуре см.: Давидсон А. Б. Указ. соч., с. 51–64.

¹¹ О деятельности Английского клуба в России см. мемуары: Korostovetz V. Seed and Harvest. London, 1931, p. 207–208; Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента МИД. СПб., 2008, с. 281.

¹² Думова Н. Г., Трухановский В. Г. Черчилль и Милюков против Советской России. М., 1982, с. 19.

¹³ Buchanan M. Petrograd: The City of Trouble 1914–1918. London, 1918; Tyrkova-Williams A. Cheerful Giver: The Life of Harold Williams. London, 1935; Борман А. А. В. Тьркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувен – Вашингтон, 1964.

Многие современники отмечали неожиданность февральских событий 1917 г. в Петрограде не только для простых британцев, но и для хорошо осведомленных политиков и экспертов. По свидетельству Р. Б. Локкарта, занимавшего с 1912 по сентябрь 1917 гг. должность британского вице-консула в Москве, «революция не казалась даже отдаленной возможностью, ибо с первого дня войны каждый либерально настроенный русский надеялся, что победа принесет с собой конституционные реформы»¹⁴.

В обстановке наполнявших северную столицу России слухов о готовящихся заговорах и переворотах с 1 по 20 февраля 1917 г., т.е. накануне падения царизма, Петроград принимал делегации стран Антанты, прибывшие на берега Невы для участия в межсоюзнической конференции, призванной согласовать стратегические планы победоносного завершения затянувшейся войны. Созыв этой конференции был отложен царским правительством на две недели из-за убийства Распутина¹⁵.

Центральную роль среди коалиционных союзников России на этом форуме играла представительная английская делегация во главе с влиятельным членом Военного кабинета министром без портфеля, а впоследствии главой военного и колониального ведомств лордом А. Милнером. Он после возвращения в Лондон убеждал своих коллег в правительстве, что, хотя ситуация в России характеризуется кризисными явлениями, связанными с возросшей дезорганизацией управления, она в целом остается стабильной и не предвещает революционных потрясений¹⁶. Результатом встречи Милнера с одним из лидеров кадетов Б. Я. Струве в здании британской дипломатической миссии стало общее пожелание союзников по формированию ответственного правительства во главе с С. Д. Сазоновым с одновременным назначением последнего министром иностранных дел. Сначала это пожелание было озвучено Милнером на аудиенции у Николая II, а позднее направлено императору в специальном послании¹⁷.

Подтверждением этого служит высказывание тогдашнего руководителя Форин офис А. Бальфура в беседе с обозревателем влиятельной газеты «Таймс», хорошо известным в правительственных кругах полковником А. Репингтоном: «Монархам редко делаются более серьезные предупреждения, чем Милнер сделал царю». По мнению обозревателя «Таймс», принципиальный отказ Николая II даже обсуждать с союзниками какую-либо возможность политических реформ окончательно убил надежды на продолжение контактов западных демократий с авторитарным режимом России и заставил русскую оппозицию «искать собственный путь к свободе»¹⁸.

Невзирая на то, что вопрос о причастности британских дипломатов и военных представителей к подготовке революции в России давно опровергнут документальными свидетельствами, он продолжает служить обоснованием различных конспирологических «теорий», которые, к сожалению, тиражируются на страницах популярных изданий, в радиоэфире, на телеканалах и Интернет-сайтах¹⁹. Отсюда возникает

---

¹⁴ *Локкарт Р. Б.* История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991, с. 92; *Page Arnot R.* Op. cit., p. 9.

¹⁵ Подтверждение вынужденной отсрочки Петроградской конференции находим в неопубликованных воспоминаниях официального главы миссии военной разведки МИ-6 в Петрограде С. Хора (лорда Темплвуда). – *A Watchman Makes His Round.* Unpublished, 1959, p. 83. – Cambridge University Library. Department of Manuscripts and University Archives. Templewood Papers (далее – TP), pt. II, f. 1.

¹⁶ Memorandum on the Political Situation in Russia, February, 1917. – Oxford University. Bodleian Library. Special Collections. Milner Papers. MS Milner, dep. 372.

¹⁷ TP, pt. II, f. 1, p. 85; *Алексеева И. В.* Указ. соч., с. 243–244; *Холяев С. В.* Россия и страны Запада накануне революции 1917 г. – Новая и новейшая история, 2012, № 3, с. 230–234.

¹⁸ О поездке лорда Милнера в Петроград для участия в конференции Антанты см.: *Wrench J.* Alfred Lord Milner. The Man of No Illusions, 1854–1925. London, 1958, ch. XX; *O'Brien T.* Milner. Viscount Milner of Cape Town, 1854–1925. London, 1979, p. 277–280.

¹⁹ Примером «теории заговора» является бездоказательный тезис, что «уничтожение Российской империи – это самая грандиозная операция британской разведки за всю ее историю». –

необходимость еще раз обосновать некорректность точки зрения о «британском заговоре» против российского самодержавия.

Прежде всего, укажем на прямую заинтересованность Лондона в сохранении Российской империи, правда, с учетом реформ, которые, по мнению британского истеблишмента, требовалось провести для победоносного завершения Первой мировой войны. Даже намеки на попытки заключения российской властной элитой сепаратного мира с противником были для правительства Д. Ллойд Джорджа абсолютно неприемлемыми. Между тем, отставка в июле 1916 г. С. Д. Сазонова с поста министра иностранных дел и приход к управлению внешнеполитическим ведомством Б. В. Штюрмера поставили под сомнение координацию внешней политики союзников, поскольку с этого момента прекратились ежедневные совещания дипломатических представителей ведущих стран Антанты²⁰.

Последовавшие события – выступление П. Н. Милюкова с трибуны Государственной Думы 14 ноября 1916 г. («Глупость или измена?»), министерская чехарда в высших эшелонах исполнительной власти и «распутинщина» не могли не вызывать глубокой обеспокоенности на берегах Темзы. Приведем запись в дневнике Ч. Скотта – многолетнего главного редактора либеральной газеты «Манчестер Гардиан» и давнего сторонника Д. Ллойд Джорджа о состоявшейся 16 января 1917 г. беседе с британским премьером: «Существует уверенность в том, что реакционеры (в России. – *Е.С.*) предпринимают все усилия для провоцирования революции, чтобы воспользоваться ею как предлогом для разрыва договоренностей с Лондоном и заключения сепаратного мира»²¹.

Подчеркнем невозможность для Д. Бьюкенена – типичного представителя «старой», непубличной дипломатии не то чтобы участвовать в антиправительственной деятельности на территории государства, предоставившего ему аккредитацию, но даже и помыслить об этом. Вот характеристика, которую дал британскому послу Р. Б. Локкарт: «Сэр Д. Бьюкенен был человеком, все существо которого противилось революции. Когда же она пришла, он отказался встречаться и действительно никогда не встречался ни с одним человеком, который ответственен за свержение царизма, и никогда ни лично, ни через своих подчиненных не поощрял визиты в свой дом таких лиц»²². Напомним о предупреждении о возможном заговоре в верхах, которое британский посол адресовал Николаю II 25 января 1917 г. во время последней личной аудиенции²³.

Дополнительным подтверждением неучастия главы английской дипломатической миссии в «кознях Лондона» против самодержавной власти России является передовая статья органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов газеты «Известия» от 26 мая 1917 г. Эту газету, в отличие от некоторых членов Временного правительства первого состава, трудно заподозрить в симпатиях к Соединенному Королевству. «Известия» писали: «В первые дни революции великая перемена рассматривалась многими как победа партии войны. Придерживавшиеся этой точки зрения утверждали, что русская революция вызвана интригами Англии, и британский посол назывался как один из ее вдохновителей. Однако ни по своим взглядам, ни по намерениям сэр Д. Бьюкенен неповинен в победе свободы в России»²⁴.

Высказывание «Известий» подтверждается воспоминаниями бывшего начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева: «Говорят, будто бы Англия помогла нашему революционному центру в государственном перевороте при посредстве

Стариков Н. В. Ликвидация России. Кто помог красным победить в Гражданской войне? СПб., 2012, с. 6.

²⁰ *Лопухин В. Б.* Указ соч., с. 271.

²¹ Цит. по: *The Political Diaries of C. P. Scott. 1911–1928.* Ithaca – New York, 1970, p. 256.

²² *Локкарт Р. Б.* Указ. соч., с. 110–111.

²³ *Бьюкенен Д.* Указ. соч., с. 230–235.

²⁴ *Известия*, 26.V.1917.

своего посла Бьюкенена. Я утверждаю, что за все время войны ни Бьюкенен и никто из английских подданных никакого активного участия ни в нашем революционном движении, ни в самом перевороте не принимали. Возможно, что Бьюкенен и другие англичане лично сочувствовали революционным настроениям в России, полагая, что народная армия, созданная революцией, будет более патриотична и поможет скорее сокрушить Центральные державы, но не более того»²⁵.

Как и дипломаты, сотрудники британской военной разведки МИ-6, которые с сентября 1914 г. были прикомандированы к русскому Генеральному штабу для получения и обработки секретных сведений о противнике (главным образом, действиях германского флота на Балтике и в северных морях), не обладали достаточными ресурсами для того, чтобы инспирировать стихийные выступления жителей Петрограда на исходе зимы 1917 г.²⁶ Детальный анализ недавно открытых материалов, а также воспоминаний участников описываемых событий убедительно опровергает версию о каком-либо официальном или неофициальном распоряжении, полученном офицерами разведки, а тем более дипломатами на сей счет²⁷. Впрочем, справедливости ради, следует признать развитие контактов между либеральной оппозицией и представителями Туманного Альбиона в обеих российских столицах, что объясняет высокую осведомленность британского правительства о планах дворцового переворота, которые почти открыто дебатировались завсегдатаями столичных салонов и ресторанов в конце 1916 – начале 1917 г.²⁸

Отмечая факт распространения среди российских обывателей весной – летом 1917 г. слухов о некоей мифической вовлеченности британцев в подготовку антимонархического выступления, уместно задаться вопросом: кто же их создавал?

Современные историки считают доказанным, что главную роль в дезинформации сыграла массированная германская пропаганда, воздействовавшая как на солдат в окопах, так и на резервистов и гражданское население в тыловых губерниях России. К примеру, составители одной из немецких листовок, правда датированной уже 11 ноября 1917 г., заявляли, что «британский посол сидит в Петрограде и диктует свои пожелания Российскому правительству. Пока он будет править Россией и пить русскую кровь, бывшая империя не получит мира и свободы»²⁹. Обратим внимание на факт, что настойчиво повторявшийся тезис германской пропаганды о безусловном подчинении России своей союзнице-Британии наиболее активно после Октября 1917 г. использовали большевики³⁰.

С другой стороны, тиражированию слухов о «кознях» англичан против российской монархии, вероятно косвенно, но все же способствовала эйфория среди британского

---

²⁵ *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. – Вопросы истории, 2002, № 9, с. 70.

²⁶ О координации деятельности русской и британской разведок в годы Первой мировой войны см.: *Judd A.* The Quest for C. Sir Manfred Cumming and the Founding of the British Secret Service. London, 1999, p. 288–290, 311–312.

²⁷ Note by S. Hoare “First impression of the Russian Revolution”, 17.III.1917. – TP, pt. II, f. 2; Помимо воспоминаний Дж. Бьюкенена и Р. Б. Локкарта, к информативным мемуарам, доступным только в библиотеках Великобритании, относятся: *Hoare S.* The Fourth Seal: The End of Russian Chapter. London, 1930; *Thwaites N.* Velvet and Vinegar. London, 1932.

²⁸ Note by S. Hoare “The death of Rasputin”, 1.I.1917. – TP, pt. II, f. 1; *Колоницкий Б. И.* Британские миссии и А. Ф. Керенский (март – октябрь 1917 г.). – Россия XIX–XX в. СПб., 1998, с. 74; *Chambers R.* The Last Englishman: The Double Life of Arthur Ransome. London, 2009, p. 126; *Milton G.* The Russian Roulette. How British Spies Defeated Lenin. London, 2013; *Сергеев Е. Ю.* Англичане вели покушение на Распутина. – Историк, 2016, № 12, с. 49–51.

²⁹ *Бьюкенен Дж.* Указ. соч., с. 356.

³⁰ Примером служит советская пропагандистская брошюра, изданная по случаю разрыва дипломатических отношений между Москвой и Лондоном в мае 1927 г. Ее автор бездоказательно утверждает, что Февральскую революцию готовил не кто иной, как Д. Бьюкенен. – *Шубин П. А.* Чего хотят лорды? М. – Л., 1927, с. 10.

общества, которая была вызвана на удивление быстрой победой демократии весной 1917 г. в казавшейся с берегов Туманного Альбиона нецивилизованной и отсталой России³¹. Большинство обозревателей стремились отождествить революционный переход власти от царского к Временному правительству с ликвидацией Старого порядка во время Великой Французской революции 1789 г. «Все партии приветствуют Россию, которая присоединилась к сообществу свободных народов!» – восторженно писали весной 1917 г. английские газеты различных направлений: от правоконсервативных до лейбористских; последние, разумеется, восприняли русский революционный Февраль с наибольшим воодушевлением³².

16 марта 1917 г. в адрес Временного правительства была направлена приветственная телеграмма 20 профсоюзных лидеров, из которых шесть являлись членами правительства, а остальные – парламентариями³³. Десятки организаций и сотни простых людей адресовали депутатам Государственной Думы, министрам, лидерам политических партий революционной России послания с выражением поддержки перехода страны к демократии. Особый восторг британской и всей европейской общественности вызвало решение Временного правительства 25 марта 1917 г. амнистировать политических заключенных. Многие англичане – современники социальных катаклизмов весны 1917 г. – описывали свое огромное сочувствие и прилив доброжелательности к народу России в связи со свержением царского режима, воспринимавшегося ими как пережиток давно ушедшей в прошлое феодальной эпохи. «Романтически настроенные» лейбористские лидеры, такие как пацифист Р. Макдональд, будущий премьер-министр Соединенного Королевства, встретили падение российской монархии особенно радостно. Макдональд, как отмечают его биографы, был почти что «в состоянии экстаза». Ключевой тезис Макдональда в его личном послании на имя А. Ф. Керенского заключался в оценке российской революции как символа наступления эры глубоких социальных трансформаций всего мира³⁴.

К сопоставлению двух революционных движений – 1789 г. во Франции и 1917 г. в России прибегали многие политические и общественные деятели Великобритании. Например, близкий двору виконт Р. Эшер в одном из писем личному секретарю короля Георга V лорду Стэмфордхэму указывал на сходство французской и русской революций³⁵. Однако, по понятным причинам, активнее всех такое сравнение вплоть до середины 1920-х годов проводилось либеральными интеллектуалами Туманного Альбиона – учеными, писателями и деятелями искусства. В этом смысле показательна брошюра всемирно известного философа Б. Рассела, посетившего Советскую Россию в составе делегации Британского конгресса тред-юнионов (БКТ) весной – летом 1920 г.³⁶

Вместе с тем, существовали альтернативные мнения: одни сравнивали ее с эпохой Славной Революции 1688 г., не связанной, как и ликвидация самодержавия, с многотысячными жертвами³⁷. Другие говорили о схожести революционных событий

³¹ Price M. My Reminiscences of the Russian Revolution. London, 1921, p. 3–98.

³² Brogan H. The Life of Arthur Ransome. London, 1992, p. 122–124; Page Arnot R. Op. cit., p. 11–23.

³³ Morning Post, 17.III.1917.

³⁴ Marquand D. Ramsay Macdonald. London, 1977, p. 208, 210–211. Макдональд собирался в мае 1917 г. приехать в революционную Россию, однако эта поездка сорвалась из-за забастовки моряков. – Ward S. James Ramsay Macdonald. Low Born Among the High Brows. New York, 1990, p. 93–94.

³⁵ Esher to Stamfordham, 26.III.1917. – Journals and Letters of Reginald Viscount Esher, v. IV. London, 1938, p. 98–99.

³⁶ Russell B. The Practice and Theory of Bolshevism, pt. I. London, 1920, p. 5.

³⁷ Данные о погибших на улицах Петрограда в дни Февральской революции, которыми располагали британские исследователи, таковы: 53 офицера, 602 солдата, 73 полицейских и 587 гражданских лиц. Итого: 1315 человек. – Chamberlain W. Op. cit., v. I, p. 85. См. также: Korostovetz V. Op. cit., p. 262–277; Pares B. The Fall of the Russian Monarchy. A Study of the Evidence. London, 1939.

в Петрограде с началом антироялистских выступлений сторонников английского парламента в 1640 г. Но все же большинство наблюдателей разделяло точку зрения левых публицистов о явно выраженном сходстве свержения Николая II в 1917 г. и освобождения Франции от абсолютистского режима Людовика XVI в конце XVIII в.³⁸

Формирование первого в истории России демократического правительства заставило его председателя Г. Е. Львова и министра иностранных дел П. Н. Милюкова обратиться 17 марта 1917 г. с официальным запросом к союзным и нейтральным государствам о признании Временного правительства России. В телеграммах правительствам иностранных государств подчеркивалась приверженность России всем ранее принятым международным обязательствам, а также решимость демократической власти продолжать вместе с союзниками войну до победы.

Однако, несмотря на восторженные настроения, которые охватили правящие круги и общественность Соединенного Королевства в результате краха царизма, дипломатическое признание новой России со стороны Лондона последовало только 24 марта 1917 г., то есть через два дня после инициативного шага в этом направлении президента США В. Вильсона. Тогда же возобновились ежедневные консультации руководства МИД России с главами дипломатических миссий Британии, Франции и Италии. Но лишь в начале апреля 1917 г. страны Антанты согласились подтвердить верность секретным договорам, заключенным с Россией на протяжении Первой мировой войны. Речь шла о территориальных изменениях в Европе и Азии после окончания боевых действий³⁹.

Разобраться в причинах колебаний кабинета Ллойд Джорджа по вопросу признания демократического Временного правительства позволяет сравнение мнений крупнейших политических деятелей Великобритании о ситуации в революционной России. Приведем два ключевых высказывания британского премьера, сделанные им в начале 1917 г. Первое — до Февральской революции: «Мы должны сохранить ее (Россию. — *Е.С.*) если не в качестве “парового катка”, то хотя бы в виде “каменной стены”». Второе — сразу же после получения телеграммы от Бьюкенена о свержении царского режима: «Отныне они (русские союзники. — *Е.С.*) для нас бесполезны в этой войне»⁴⁰. Пессимизм Ллойд Джорджа в отношении России как союзника вполне оправдан: Антанта серьезно рассчитывала на активное участие русских войск в весеннее-летнем наступлении 1917 г. Как справедливо подчеркивают специалисты, политическая элита Британии придерживалась прагматичного взгляда на февральские события в Петрограде: кто бы ни получил в итоге власть в России, главное — эффективное продолжение войны против германского блока⁴¹.

В то же время часть представителей политического руководства, как и широкая общественность Соединенного Королевства, были преисполнены оптимизма. Член правительства и лидер юнионистов, как тогда именовались консерваторы, Э. Бонар Лоу 15 марта 1917 г. заявил с трибуны парламента: «Вся имеющаяся информация заставляет нас поверить в то, что движение (т.е. Февральская революция. — *Е.С.*) направлено против правительства не в связи с продолжением войны, а в отношении боевых действий, которые ведутся с низкой эффективностью и активностью, их повышения и ожидает народ (России. — *Е.С.*)»⁴².

Несмотря на в целом успешные наступательные операции кавалерийского корпуса генерала Н. Н. Баратова в Западной Персии и Месопотамии, позволившие к концу марта 1917 г. фактически соединиться русским и британским экспедиционными силами, провал усилий по организации намеченной Ставкой на май 1917 г. морского десанта в районе Босфора из-за кризиса железнодорожных перевозок

³⁸ Page Arnot R. Op. cit., p. 28–29.

³⁹ Игнатъев А. В. Внешняя политика Временного правительства, с. 126–132.

⁴⁰ Owen F. Tempestuous Journey. Lloyd George: His Life and Time. London, 1954, p. 375–376.

⁴¹ Lowe C.J., Dockrill M. L. The Mirage of Power, v. 2. London – Boston, 1972, p. 304.

⁴² Hansard Parliamentary Debates (далее – PD), ser. 5, v. XCI, col. 1421.

и нежелания военнoслужаших принимать участие в действиях Черноморского флота, усилил опасения Лондона в скором выходе своего союзника из войны. Показательным является мнение С. Болдуина — одного из видных консервативных деятелей, на протяжении 1920–1930-х годов трижды занимавшего пост премьер-министра. В письме своей супруге 15 мая 1917 г. Болдуин отмечал: «Россия, насколько можно судить, окажется бесполезной в военном плане до конца этого года. Если бы она только собралась и самоорганизовалась (боюсь, две вещи неосуществимые), война бы завершилась уже летом. Но обычно революция не может не сопровождаться ослаблением дисциплины по всей стране»⁴³.

Для налаживания контактов с Временным правительством и демократическими общественными организациями России, а главное — стимулирования военной активности союзника, 22 мая 1917 г. в революционную Россию направилась делегация БКТ, которую возглавил А. Гендерсон — лейбористский деятель, занимавший пост министра без портфеля в коалиционном кабинете Ллойд Джорджа. Одна из целей поездки, которая продолжалась до 24 июня, состояла в зондировании возможности отправки английских делегатов на международную социалистическую конференцию, которая должна была состояться в Стокгольме. Кроме того, согласно мемуарам Бьюкенена, Форин офис, с учетом складывавшейся в России обстановки, намеревался осуществить важную рокировку: заменить его как приверженца монархических взглядов в должности посла на лейбориста Гендерсона — более приемлемого для умеренных социалистов в России. Впоследствии, однако, этот план по ряду причин не был приведен в исполнение, а Гендерсон в августе 1917 г. даже вынужден был подать в отставку из-за категорического отказа Военного кабинета санкционировать участие британских представителей в стокгольмском форуме, который был проведен в начале сентября 1917 г.⁴⁴ как третья Циммервальдская конференция.

Своеобразный итог развитию ситуации в России и ее влияния на политический курс Великобритании подвели меморандумы, составленные для Военного кабинета лордом-председателем Тайного совета Дж. Кёрзоном и заместителем министра иностранных дел по связям с парламентом Л. Эмери соответственно 12 и 20 мая 1917 г., т.е. уже после отставки Милюкова с поста министра иностранных дел России и формирования в Петрограде Временного правительства второго состава⁴⁵.

Документ, принадлежавший перу Дж. Кёрзона под названием «Политика в свете событий в России», анализирует серьезные последствия вполне вероятного выхода России из войны. К таковым автор меморандума, подготовленного на основе докладных записок начальника Имперского Генерального штаба фельдмаршала У. Робертсона и первого морского лорда адмирала флота Д. Желлико, относил переброску германских дивизий на западный, австрийских — на итальянский, а турецких — на Палестинский и Месопотамские фронты; остановку наступательных действий союзников против Болгарии севернее Салоник; завоевание немецким флотом господства на Балтике; прорыв организованной Антантой экономической блокады Центральных держав, и наконец, негативный морально-политический эффект, который союзники вряд ли смогут компенсировать в ближайшем будущем. Главный интерес для нас представляет изложение Кёрзоном — опытным политиком и вдумчивым экспертом — тех моментов в развитии революционного движения на территории бывшей Российской империи, которые были способны положить конец «медовому месяцу»

⁴³ Baldwin to his wife Louisa, 15.V.1917. — Baldwin Papers. A Conservative Statesman, 1908–1947. Cambridge, 2004, p. 31.

⁴⁴ Бьюкенен Д. Указ. соч., с. 305–309; Owen F. Op. cit., p. 377; Ward S. Op. cit., p. 93–94; Page Arnot R. Op. cit., p. 55, 66–74; Суслonарова Е. А. Артур Гендерсон — «архитектор» лейбористской партии Великобритании. — Новая и новейшая история, 2015, № 2, с. 170; Warth R. Op. cit., p. 66–88.

⁴⁵ Memorandum by Curzon “Policy in view of Russian developments”, 12.V.1917. — TNA UK. Cabinet Papers (далее — CAB) 24/13, GT 703; Memorandum by Amery “The Russian situation and its consequences, 20.V.1917. — TNA UK. CAB24/14. GT 831.

отношений между Лондоном и Петроградом. Наиболее тревожные новости, поступавшие из России, по мнению британского политика, относились к падению дисциплины в войсках, братанию русских солдат с противником, нарастанию хаоса в народном хозяйстве и самое важное – распространению пацифистских настроений в рядах не только крайне левых, но и умеренных социалистических партий. В то же время, Кёрзон не допускал возможности заключения Россией сепаратного мира с Четверным союзом, поскольку такой шаг означал бы «унижение ее национальной гордости» и был бы «опасным, с точки зрения претензий на занятие в послевоенном мире достойного положения среди держав».

Близкое изложенному мнению о перспективах продолжения войны высказывал Л. Эмери в записке, озаглавленной «Ситуация в России и ее последствия». Основной вывод автора состоял в утверждении, что, хотя восточный союзник Великобритании по Антанте вряд ли полностью прекратит боевые действия, они, по всей вероятности, будут оборонительными. С другой стороны, как отмечал Эмери, представлявший наиболее влиятельную неформальную политическую организацию – «Группу круглого стола»⁴⁶, без России усилия Британии по противодействию планам Центральных держав создать Среднюю Европу под германским патронатом, разрешив в ее рамках польский, румынский и сербский вопросы, безусловно, окажутся тщетными.

Следует подчеркнуть, что основные рекомендации в адрес правительства, высказанные Кёрзоном и Эмери, фактически совпадали. Если лорд-председатель Тайного совета предлагал разработать и осуществить все возможные меры для укрепления позиций умеренных сил в России с целью обуздания экстремистов, включая проведение в середине июня 1917 г. отдельного форума социалистических партий стран Антанты в Лондоне, то заместитель министра иностранных дел призывал кабинет к политике диалога с Временным правительством, чтобы путем разъяснения целей Сердечного Соглашения в мировой войне заменить лозунг «мира без аннексий» на ключевой принцип будущего территориального переустройства Европы согласно воле населения соответствующих территорий⁴⁷.

Рассмотрение событий Февраля 1917 в контексте англо-российских отношений требует внесения ясности в важный, до сих пор дискуссионный вопрос – о предоставлении Николаю II и его семье политического убежища в Великобритании⁴⁸.

Поступавшие на берега Темзы сообщения о народном восстании в Петрограде под лозунгами свержения царя вызвали тревогу короля Георга V, который, судя по дневниковой записи, сделанной 13 марта 1917 г., вначале полагал, что движение имеет только антиправительственную, а не антимонархическую направленность. Но через два дня Бьюкенен телеграфировал в Лондон об отречении Николая II. «Я в отчаянии», – написал король в своем дневнике⁴⁹.

Лишь спустя еще четыре дня – 19 марта 1917 г., до официального признания Временного правительства Великобританией, в адрес главы британской дипломатической миссии в Петрограде были направлены две телеграммы Георга V. В первой, личной по характеру, выражалось сочувствие Николаю II в связи с отречением наряду

---

⁴⁶ В «Группу круглого стола» входили видные политики Великобритании, например, лорд Милнер. На одной из встреч членов этой организации, согласно дневниковым записям Эмери, обсуждались перспективы выживания Британской империи в связи с революционными событиями в России. – Cambridge University. Churchill Archives Centre. The Papers of Leopold Amery. AMEL.7.13. Diary. 4.V.1917. – *O'Brien T.* Op. cit., p. 284.

⁴⁷ О меморандумах Кёрзона и Эмери. – *French D.* The Strategy of the Lloyd George Coalition 1916–1918. Oxford, 1995, p. 176.

⁴⁸ В современной отечественной историографии детально, хотя и без использования архивных источников и новейшей зарубежной литературы, этот сюжет рассмотрен в кн. – *Остапенко Г. С.* Британская монархия от королевы Виктории до наследников Елизаветы II: концепция управления и личность суверена. М., 2014, с. 202–209.

⁴⁹ *Роуз К.* Король Георг V. М., 2005, с. 379; *Остапенко Г. С.* Указ. соч., с. 203.

с заверениями в «верной и преданной дружбе». Во второй, официальной, новые российские власти предупреждались о крайне неблагоприятном впечатлении, которое могло бы возникнуть у общественности Великобритании в случае применения насилия к членам бывшей императорской фамилии⁵⁰.

Однако после получения этих телеграмм от британского посла, П. Н. Милюков вместо передачи их адресату принял решение запросить Лондон о возможности предоставить Николаю II и его близким политическое убежище на берегах Туманного Альбиона. По мнению зарубежных историков, российский министр иностранных дел довольно наивно рассчитывал на то, что по прошествии нескольких месяцев, когда революционная буря в России утихнет, бывший царь, «поумнев», сможет возвратиться на Родину, чтобы стать конституционным монархом, наподобие Георга V⁵¹.

В ответ на обращения Милюкова, сделанные 19 и 21 марта 1917 г. от имени нового российского правительства, состоялось специальное заседание Военного кабинета с участием личного секретаря короля лорда Стемфордхэма. На совещании 22 марта после оживленной дискуссии, участники которой рассматривали альтернативные варианты отправки царя в Данию или Швейцарию, было все же решено дать согласие от имени короля Георга на переезд Николая с семьей, разрешив им пребывание на территории Соединенного Королевства до окончания войны при условии выделения соответствующих финансовых средств российским правительством⁵².

Однако 30 марта 1917 г. король Георг после некоторых колебаний обратился через лорда Стемфордхэма к главе Форин офис А. Бальфуру с просьбой отозвать приглашение царю и его семье. По некоторым данным, определенную роль в принятии этого решения сыграл Бьюкенен, который якобы убеждал короля взять назад приглашение, ссылаясь на возможную негативную реакцию Петроградского Совета⁵³. С другой стороны, объяснение такого, на первый взгляд, парадоксального шага монарха следует искать в опасениях Георга и членов коалиционного кабинета Ллойд Джорджа относительно распространения в стране республиканских настроений как реакции на приезд царя, пользовавшегося в Западной Европе репутацией «кровавого тирана». Беспокойство короля, получавшего, как заявил его секретарь, письма оскорбительного содержания по поводу возможных негативных последствий приглашения Николая, иллюстрирует фраза, сказанная Георгом V одному из посетителей: «Я могу быть не слишком вдохновляющим монархом (для своих подданных. — *Е.С.*), но, черт меня побери, если я чужеземец (в их глазах. — *Е.С.*)»⁵⁴.

Между тем, в ответном послании Стемфордхэму 2 апреля 1917 г. Бальфур выразил недоумение попыткой отозвать приглашение семье Романовых, справедливо указав на то, что колебания монарха ставят весь кабинет в неудобное положение перед Временным правительством. В это же время Ллойд Джордж после новой беседы с лордом Стемфордхэмом по своим каналам зондировал возможность отправки царя во Францию, заручившись предварительным согласием военного министра, а впоследствии премьера П. Пенлеве⁵⁵.

⁵⁰ *Nicolson H.* King George the Fifth. His Life and Reign. London, 1952, p. 299; *Поуз К.* Указ. соч., с. 345–346; *Остапенко Г. С.* Указ. соч., с. 203.

⁵¹ *Gardner L.* Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913–1923. New York – London, 1987, p. 132.

⁵² *Nicolson H.* *Op. cit.*, p. 300–301; *Kerensky A.* Russia and History's Turning Point. New York, 1965, p. 324; *Occleshaw M.* The Romanovs Conspiracies. London, 1993, p. 90; *Поуз К.* Указ. соч., с. 349; *Малов Ю. А.* Великобритания – Россия: исторический мезальянс. М., 2016, с. 140–141. Г. С. Остапенко упоминает о тайных контактах между доверенными лицами Георга V и эмиссарами кайзера Вильгельма II относительно гарантии беспрепятственного проезда семьи Романовых в Британию через территорию Германии (*Остапенко Г. С.* Указ. соч., с. 203). Однако автору не удалось обнаружить конкретных доказательств таких зондажей.

⁵³ *Nicolson H.* *Op. cit.*, p. 301–302.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 301, 307–308.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 301–302.

6 апреля 1917 г. лорд Стемфордхэм по просьбе короля направил главе Форин офис два письма с конкретной мотивировкой отказа Георга принять своего кузена. Одно из них содержало указание на сложную политическую ситуацию в Великобритании. «С каждым днем, — отмечал личный секретарь монарха, — короля все больше беспокоит вопрос о приезде в нашу страну императора и императрицы». Лорд Стемфордхэм акцентировал внимание Бальфура на потоке писем в адрес сюзерена с возражениями различных социальных групп против приезда бывшего российского императора. Другое послание объясняло изменение в позиции Георга V публикацией статьи социалиста Г. Гайндмана на страницах журнала «Джастис» с решительным осуждением приглашения в страну Николая II и возложением ответственности за вероятные негативные последствия этого шага на королевскую семью⁵⁶.

10 апреля 1917 г. король через своего личного секретаря информировал правительство о необходимости аннулировать приглашение Романовым, о чем и было телеграфировано Бьюкенену, полностью поддержавшему мнение сюзерена. 13 апреля 1917 г. посол «со слезами на глазах» официально сообщил эту новость А. Ф. Керенскому, подчеркнув, что приезд бывшего царя на Британские острова «способен опасно усилить и так уже значительное антимонархическое движение, вызванное поддержкой Георгом российскому экс-монарха и греческого короля Константина»⁵⁷.

Факты свидетельствуют, что опасения британского монарха и политической верхушки Соединенного Королевства были обоснованными, поскольку в апреле — мае 1917 г. под влиянием стремительной демократизации России Р. Макдональд вместе с лидерами левых лейбористов развернул кампанию по созыву Общенационального конвента в Лидсе с целью провозглашения Великобритании республикой и передачи власти Советам рабочих и солдатских депутатов по всей стране⁵⁸. Вместе с тем, двусмысленным и лицемерным выглядит утверждение Ллойд Джорджа в мемуарах, что британское правительство «не отзывало приглашения царю»⁵⁹. Ведь, хотя формально Бьюкенену через Форин офис была передана только воля монарха, фактически без одобрения кабинета и прежде всего его главы совершить такой шаг вряд ли было возможно⁶⁰.

Чтобы хоть как-то «подсластить горькую пилюлю», 16 апреля 1917 г. Бьюкенен предложил Милюкову направить царя в Крым, посадив его в Ливадийском дворце под домашний арест — решение вопроса, на которое был согласен сам Николай II. Однако глава Временного правительства князь Г. Е. Львов заявил Милюкову, что сделать это невозможно, так как по пути на юг поезд с императорской семьей якобы будет захвачен революционными солдатами и рабочими, которые устроят самосуд над бывшим монархом и его супругой⁶¹.

Последний запрос Керенского о возможности отправки Романовых в Великобританию, адресованный им Бьюкенену в начале июня 1917 г., не встретил понимания главы дипломатической миссии. После этой неудачной попытки Временное правительство больше не возвращалось к теме переезда монаршей фамилии в другую страну⁶². Зато подконтрольные Лондону канадские власти разрешили в конце апреля 1917 г., после почти месячного задержания, отправку из Галифакса на Родину Л. Д. Троцкого вместе с родными и товарищами по партии. Благоприятному для

⁵⁶ Lord Stamfordham to Balfour, 6.IV.1917. — TNA UK. Foreign Office 800/205. Balfour and Russia. Correspondence; Поуз К. Указ. соч., с. 358–362; Остапенко Г. С. Указ. соч., с. 206.

⁵⁷ Gardner L. Op. cit., p. 133; Occleshaw M. Op. cit., p. 91.

⁵⁸ Nicolson H. Op. cit., p. 308. Этот факт опровергает мнение о незначительности угрозы британскому трону весной 1917 г. — Остапенко Г. С. Указ. соч., с. 201.

⁵⁹ Lloyd George D. War Memoirs, v. I. Boston, 1933, p. 973–975.

⁶⁰ Романов А. М. (вел. кн.) Книга воспоминаний. М. — СПб., 2009, с. 327.

⁶¹ Occleshaw M. Op. cit., p. 92.

⁶² Малов Ю. А. Указ. соч., с. 144.

будущего второго человека в большевистском руководстве решению способствовало гневное письмо Троцкого Милюкову, которое было доведено до сведения Бьюкенена⁶³.

Изучение роли и места Великобритании в российском революционном процессе подтверждает, что его первый этап совпал с критической для Антанты стадией глобального военного конфликта. Поэтому главным вопросом для Лондона в отношениях с Россией, переживавшей глубокие социально-политические преобразования, оставалось всемерное стимулирование ее военных усилий. С одной стороны, Февраль 1917 г. способствовал началу перестройки союзнических отношений на новых принципах объединения старых европейских и новой российской демократий, которым противостояли монархические режимы Центральных держав. С другой — эта перестройка испытывала негативное воздействие нараставших внутренних проблем России: дезорганизации государственного управления и хаоса в экономической жизни.

Трансформации характера англо-российских отношений препятствовали слабое знание британской властной элитой реалий жизни своего русского союзника, традиционные стереотипы восприятия России как отсталой, полуазиатской периферии так называемого цивилизованного мира, страх перед переносом из России в Англию пацифистских, анархистских и социалистических идей, а также насильственных методов решения социально-политических вопросов.

Источники официального и личного происхождения, привлеченные автором, позволяют опровергнуть как несостоятельную точку зрения об активном вмешательстве Великобритании через официальные, а тем более секретные каналы во внутренние дела России с целью «подготовить и осуществить» революцию. О преобладании сугубо политического расчета над видимостью поддержания родственных уз между Виндзорами и Романовыми свидетельствует и отказ Георга V, хотя и не без колебаний, сделать все возможное для предоставления бывшему самодержцу и его семье политического убежища на Британских островах.

Еще один вывод, который можно сделать относительно восприятия революционного Февраля 1917 г. в Соединенном Королевстве, заключается в первоначальной недооценке британскими политиками влияния сторонников крайне левых взглядов на развитие союзнических, и в частности, англо-русских отношений. Как свидетельствуют документы, несмотря на опасения, которые высказывали государственные деятели вроде лорда Керзона и эксперты типа Эмери, большинство не только лейбористских или леволиберальных, но и консервативных кругов восторженно приветствовали казавшиеся весной 1917 г. блестящими перспективой стремительного перехода России из средневекового феодализма к индустриальному обществу. Такой вектор трансформации социально-политического строя бывшей самодержавной Российской империи сулил правящей элите Великобритании ощутимые выгоды в процессе послевоенного переустройства Европы на принципах, сформулированных интеллектуальными лидерами либеральных демократий.

Однако уже спустя три — четыре месяца после начала революции в России эйфория на берегах Туманного Альбиона по поводу февральских событий сменилась тревожными ожиданиями самого худшего развития ситуации. Решающую роль в этом процессе сыграли сначала неудача июльского «наступления Керенского» на Восточном фронте, а затем и провал движения Л. Г. Корнилова в августе — сентябре 1917 г. Эти события заставили искушенных политиков и экспертов в Лондоне обосновать снижение роли России в победоносном завершении Великой войны, а также выступить с предостережениями об опасностях, которые угрожали недавно установленному демократическому строю в России в связи с усиливавшейся внутренней анархией. Дальнейшее развитие революции в России осенью 1917 г. подтвердило справедливость этих предостережений и обоснованность неутешительных для русской демократии прогнозов.

---

⁶³ TNA UK. The Bolsheviki Party KV 2/498; Lev Davidovich Bronstein (alias Leon Trotsky) KV 2/502. О пребывании Троцкого в Канаде и возвращении в Россию весной 1917 г. — *Троцкий Л. Д. В плену у англичан*. Пг., 1918.